ние Рима «чрезмерной растянутостью» границ империи [1]). Для об'яснения исследуемого факта он обращается не к области производства, как это сделал Энгельс, и по отношению к данному конкретному случаю, а к соображениям из области техники транспорта и военного дела. Типичный геополитический паралогизм здесь совершенно ясен.

Почему пала только Западная Римская империя, тогда как Византия хотя и пришла в сильный упадок, но все же продолжала существовать на низком торгово-капиталистическом уровне? На этот вопрос Хоррабин даже не ищет ответа; он только констатирует самый факт [2]). Если бы он задумался над различием природных предпосылок сельского хозяйства в западной и в восточной половине Римской империи, он может быть наткнулся бы на факт необходимости искусственного орошения на Востоке и на вытекающее отсюда следствие, что основной формой труда был там крестьянский, а не рабский труд. А это дало бы ему в свою очередь возможность об'яснить большую сопротивляемость Востока, не подорванного вконец системой рабства. Конечно, для этого был бы необходим подробный анализ различных факторов, сопоставляющих процесс производства. Но именно этого анализа Хоррабин и не произвел.

Отсталость азиатских стран Маркс об'ясняет своеобразием сложившегося там порядка производства [3]), а Хоррабин (специально в отношении Китая)—удаленостью страны [4]). Таким образом, и здесь момент техники сношений господствует у Хоррабина над моментом производства (Маркс тоже подчеркивает факт изолированности Китая; но у Маркса это вторичный фактор, об'ясняющий не то, почему Китай не мог самостоятельно развиться до степени промышленного капитализма, а лишь то, почему вызванный совершенно другими причинами застой Китая не был так долго нарушен извне [5]).

Победа Англии и Голландии над Испанией и Португалией стала, по Хоррабину, возможна потому, что оба северные государства создали более квалифицированный тип судна, чем страны Иберийского полуострова [6])! И здесь геополитический паралогизм бросается в глаза. Как известно, Маркс тоже занимался историей Испании. Застой и упадок Испании со времени Карла V он об'ясняет из экономических моментов [7]), а не из производных и потому второстепенных моментов техники сношений.

Таким образом географический материализм Хоррабина, как ни много в нем черт, роднящих его с марксизмом, все же еще очень далек от марксистского мировоззрения. Политическая шаткость, таящаяся в его работе, является органическим выражением неясности его принципиальных взглядов. Если точка зрения Графа означает фактически капитуляцию перед принципами буржуазной геополитики, то Хоррабин еще может развиться до последовательно - революционного марксизма (по крайней мере, судя по его «Экономической географии»); но, разумеется, возможно и то, что при усилении в его мысли абстрактных «геополитических» моментов (а соответственно этому пошло бы и его развитие в области практической политики) он станет двигаться вниз от марксизма и от революционного рабочего движения.

[1]) Horrabin, там же, стр. 60 слл.
[2]) Ibid., стр. 61.
[3]) «Unter dem Banner des Marxismus», т. I, 2-й выпуск, стр. 388.
[4]) Horrabin, там же, стр. 24 und 147.
[5]) Marx, там же, стр. 380.
[6]) Horrabin, там же, стр. 78.
[7]) Gesammelte Schriften von K. Marx und F. Engels, 1852 bis 1862, herausgegeben von Rjasanoff, 2-е издание, Stuttgart 1920, стр. 416 ff.

К пониманию марксовой теории кризисов.

Н. Цаголов.

«При теоретическом методе (политической экономии) суб'ект, т.-е. общество должно постоянно витать в нашем представлении как предпосылка».
(Маркс. К критике политической экономии, Введение).

I.

Исследование проблемы капиталистического воспроизводства может быть плодотворным только в том случае, если для нас «витает как предпосылка» представление о капиталистическом производстве, как производстве прибыли. Хотя всякое производство является производством потребительных стоимостей, в капиталистическом обществе потребительная стоимость производимых капиталистом вещей для него может быть принята за нуль. Для него они являются лишь источником прибыли, только с этой стороны они его интересуют. Но в этом случае мы впадаем в противоречие. С одной стороны, должны быть созданы потребительные стоимости, с другой — как потребительные стоимости для их владельца они не представляют никакой ценности. Оставаясь в пределах одного предприятия, это противоречие неразрешимо. Только на арене общественного производства это противоречие находит свое разрешение. Однако это противоречие в своей общей форме свойственно и простому товарному производству. И здесь вещь выступает для своего владельца как непотребительная стоимость и лишь для своего невладельца выступает как потребительная стоимость. Это есть противоречие всякой товарной формы. Уже это противоречие, как указано Марксом, в своей развитой форме, форме противоречия товара и денег, является условием и общей возможностью кризисов. Это же противоречие между товаром и деньгами может быть характеризовано, как развитое противоречие между частным и общественным характером труда, производящего стоимость. Труд, выступая непосредственно как частный, может реализовать себя как производительный, проявив себя только как труд общественный. Рынок санкционирует общественный характер того или иного вида труда; превращение в деньги есть реальная форма этой санкции. Но эта санкция означает вместе с тем, что и до этой санкции этот частный труд обладал общественным характером, был частью общественного труда, ибо рынок не создал это общественное свойство труда, а лишь санкционировал его. Динамика капиталистического общества есть динамика конфликтов этих двух сторон труда. В марксистской литературе этот конфликт именуется как противоречие между общественным характером труда и частным характером присвоения. Это то общее противоречие, которое является формой всяких катастроф товаропроизводящего общества. Однако наша задача заключается в том, чтобы об'яснить не кризисы хозяйства вообще, не кризисы товарного хозяйства вообще, а кризисы капиталистического хозяйства, которые принци-

пиально отличны от кризисов всех других общественных формаций как по своей морфологии, так, как мы постараемся дальше показать, и по внутренним основам. Уже два внешних факта: перепроизводство и периодичность, правильная повторяемость одних и тех же в общем явлений заставляет резко отграничить капиталистические кризисы от кризисов других общественных формаций, в том числе и кризисов простого товарного хозяйства. Сказанное не означает, что простое товарное хозяйство не может иметь кризисы с явлениями перепроизводства. Последние для этой формы хозяйства нельзя считать абсолютно исключенными, но тем не менее кризис перепроизводства не является имманентным ему явлением, ибо простое товарное общество является по преимуществу формой хозяйства, преследующей цели потребления. Этой форме хозяйства скорее свойственны кризисы недопроизводства. Что же касается вопроса о периодичности кризисов, то для товарного хозяйства эмпирически, во всяком случае, периодические кризисы нам не даны.

Противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения, являясь основой анархичности и неорганизованности товаропроизводящего общества и, следовательно, возможности несовпадения ценностных и натуральных масс отдельных частей единого, связанного разделением труда, общественного хозяйства, не может служить достаточным об'яснением периодических капиталистических кризисов всеобщего перепроизводства, ибо если бы это противоречие выступало, как исключительный движущий фактор кризисов перепроизводства, то и в простом товарном хозяйстве этот феномен должен был бы иметь место. Следовательно, мы должны искать движущий фактор кризисов в тех differentia specifica, которые отличительны для капиталистического способа производства, в общих формах и движущих факторах его развития. Таковыми являются движение капитала и борьба за прибыль. Борьба за прибыль, т.-е. превращенную форму прибавочной стоимости, выражается как стремление, во-первых, к безграничному расширению производства, и, во-вторых, к ограничению потребления. И здесь налицо противоречие: с одной стороны, всякое производство есть производство полезных обществу вещей, и поэтому всякое расширение производства возможно только как увеличение производства этих полезностей, потребительных стоимостей, с другой стороны, в борьбе за возрастание капитала (а это возрастание возможно только посредством расширения производства потребительных стоимостей), капиталист стремится к ограничению потребления.

Реальные формы этого процесса выражаются в том, что каждый отдельный капиталист стремится к созданию наиболее благоприятных условий производства прибавочной стоимости—прибыли. Это происходит в форме введения технических усовершенствований, усиления эксплоатации и сокращения издержек на рабочую силу, путем ли относительного ее уменьшения или же, при данной величине капитала, уменьшения ее абсолютной величины. А так как заработная плата и потребляемая часть прибавочной стоимости составляют единственный платежеспособный фонд спроса на предметы потребления, то сокращение заработной платы или возрастание относительно переменного постоянного капитала означает сокращение потребления. Отсюда вытекает недостаток рынка и кризисы.

На этих фактах основывалась аргументация Сисмонди. Не далек от позиций Сисмонди и Каутский. Последний пишет: «Капиталисты и эксплоатируемые ими рабочие—первые, благодаря росту своего богатства, вторые, благодаря своему постоянному численному росту, который хотя происходит далеко не в таких размерах, в каких происходят накопление капитала и рост производительности труда,—создают рынок, правда, все более и более расширяющийся, но далеко не достаточный для поглощения всех созданных

крупной промышленностью средств потребления. Промышленному капиталу приходится искать внешний рынок в тех отраслях производства и в тех государствах, которые еще не доразвились до капиталистического способа производства» [1]). Но рынок исчерпывается и поэтому, продолжает Каутский, «всякая эпоха процветания, которою сопровождается всякое значительное расширение рынка, уже заранее обречена на недолговечность и кризис является ее естественным завершением» [2]).

Но при абстрактно-теоретическом анализе такое об'яснение кризисов не может быть признано удовлетворительным. Если бы эта теория была верна, тогда бы в условиях «чистого капитализма» кризис был перманентным, или, иначе говоря, кризиса бы вообще не было, ибо исчез бы определяющий кризис признак—перелом в движении капиталистического цикла, при чем перелом решительный и всеобщий, отделяющий друг от друга две качественно отличных фазы промышленного цикла—расцвет и депрессию. По существу это не теория кризисов, а учение о недостаточности капиталистического рынка—источник, из которого черпала свои идеи Р. Люксембург. В нашу задачу не входит критика этой теории рынка, но мы считаем необходимым указать, что источником этой, несомненно ошибочной, теории является непонимание движущих факторов капиталистического производства. Из чего исходил Сисмонди? Из внешних красноречивых фактов дифференциации общества на два противоположных полюса: с одной стороны, богатеющей буржуазии, с другой—нищенствующего пролетариата. Сисмонди видел в буржуазии только б о г а т ы х, но ограниченных естественно-физиологическими пределами, п о т р е б и т е л е й, просмотрев основное призвание буржуазии, как персонифицированного капитала. Отсюда при сокращении потребления рабочих, вызванного заменой рабочего машиной, сужение рынка и невозможность на капиталистическом базисе его расширения. Такое представление понятно для Сисмонди, не заметившего основного отличия капиталистического способа производства, но совершенно не последовательно для марксистов. Только формальное понимание марксовой методологии могло привести к существенным ошибкам в теории воспроизводства. У Р. Люксембург это выразилось в непонимании методологического места индивидуального и собирательного капиталиста, индивидуального и общественного капитала и тех противоречивых форм, в которых протекает их движение. Смешение их ролей в действительности и их места в теоретическом анализе привело ее к признанию невозможности реализации в условиях «чистого капитализма». Рассматривая процесс накопления, она представила капиталистическое общество как единого и единственного капиталиста, который должен был вариться в собственном соку. Конечно, в самом себе он не мог найти рынка. Отсюда необходимость «третьих лиц». Отсюда случайный характер периодически повторяющихся фаз промышленного цикла, отсутствие их имманентной обусловленности ходом развития самого «чистого капитализма». Теория недопотребления беспомощна перед об'яснением имманентных капиталистических кризисов, ибо источник кризиса для нее лежит вне капиталистической среды. Расширение и сокращение внешних рынков—вот основная причина кризисов по этой теории.

Теория недопотребления покоится на учении о противоречивости производства и потребления и игнорировании, в то же время, их единства.

Не менее ошибочным является учение об единстве производства и потребления, провозглашенное Сэем и нашедшее свое завершение в теории Туган-Барановского. Тогда как первые не видят в схеме II тома «Капитала» движения и возможности реализации, вторые видят причину кризисов не

[1]) К а у т с к и й, Теории кризисов. стр. 37.
[2]) Там же, стр. 38.

в конфликте между производством и потреблением, а в диспропорциональности отдельных отраслей.

Эти два направления имели значительное влияние и на марксистскую литературу по вопросу о причинах кризисов. Представителем первого направления является Каутский. Родоначальником теории диспропорциональности в марксистской литературе является Гильфердинг. За ним в основном следуют Спектатор, Базаров и Губерман.

II.

Правильное решение проблемы кризисов, нам думается, возможно только в том случае, если будут об'яснены следующие явления: 1) факт всеобщего перелома кон'юнктуры в период кризиса, 2) неизбежность циклического развития капитализма и 3) периодичность кризисов в их взаимной связанности. Теория, не включающая об'яснения хотя бы одного из этих моментов, не может считаться логически завершенной.

Далее. Поскольку мы исходим из марксовой теории рынка, мы считаем методологически правомерной абстракцию «чистого капитализма», т.-е. капитализма без «третьих лиц». Следовательно, и анализ капиталистического цикла методологически правильно будет дать в условиях «чистого капитализма», без включения не имманентных, хотя и сопутствующих ему и подчас сильно изменяющих его характер факторов.

Теория Каутского основана, по существу говоря, на ложной теории рынка сисмондизма. Хотя Каутский формально принимает теорию рынка Маркса, тем не менее своей теорией кризисов он показывает, что он не принимает ее существа. Теории рынка и кризисов настолько тесно увязаны друг с другом, что принятие одной обязывает к принятию и другой. Обосновать теорию кризисов недопотреблением—это значит отказаться от теории рынка Маркса, ибо теория недопотребления основана на учении о недостаточности капиталистического рынка, на невозможности развития капитализма в «чистых условиях». Согласно теории недопотребления самому капитализму несвойственен цикл. Он находится всегда в условиях невозможности реализации, а, следовательно, кризиса. А так как кризис еще больше сокращает потребление, то выход из кризиса внутренними силами капиталистического общества невозможен. Фаза расцвета, под'ема, не существует по этой теории для «чистого капитализма». «Чистый капитализм» обречен на безысходную деградацию. Имманентных капитализму оснований для нового цикла нет.

Однако цикл реально существует с правильно повторяющейся периодичностью. Задача теории заключается в том, чтобы об'яснить этот реальный процесс. Что же делают теоретики недопотребления для такого об'яснения? Они пытаются найти реальные факторы нового цикла в неимманентных капитализму условиях, как, например, открытие новых рынков, урожай, рост населения и т. д. Допустимо ли привлечение этих факторов к об'яснению капиталистического цикла. Нам представляется, что методологически это правомерно в том случае, если, например, мы беремся за исследование какого-либо отдельного, конкретного цикла. В этом случае может оказаться, что один из указанных выше факторов явился действительной причиной нового тура капиталистического цикла. Однако можно ли на этом основании сказать, что закономерная смена фаз депрессии, под'ема и кризиса как закона типического развития капитализма должна и может быть об'яснена из этих причин.

Правда, эта теория находит об'яснение факту всеобщего перелома кон'юнктуры, повышения и понижения цен и производства. Открывается новый

рынок, следовательно, новый спрос, он действует оживляюще сперва на одну отрасль, потом по цепной связи на другие; исчерпываются потенции этого рынка и период расцвета кончается, падают цены, а за ними и производство. Но допустим, что нового рынка к моменту исчерпания возможностей старого нет. Тогда нет оснований для нового цикла. Таким образом, факторы случайного порядка делают случайным и самый цикл, тогда как нужно об'яснить правильно повторяющиеся закономерности. Даже ссылки на эмпирический материал не смогут послужить опорой этой теории, ибо капитализму известны под'емы и без вовлечения новых рынков, не говоря уже о методологической недопустимости для марксиста прибегать к случайным фактам для об'яснения имманентных явлений, а последнее не отрицается и теоретиками недопотребления. Капитализм, по этой теории, не обладает внутренними факторами, выводящими его из полосы кризиса и депрессии, циклические движения его развития определяются внешними силами, а периодичность — случаем. Нужно ли после этого говорить, насколько эта теория соответствует действительному движению капитализма и духу марксовой методологии и теории.

Против разобранной теории Гильфердинг выставляет еще следующее возражение: «Узкий базис потребления,—говорит Гильфердинг, — является всего лишь общим условием кризиса, и констатирование недопотребления отнюдь не об'ясняет его. И еще меньше можно об'яснить таким спосом периодический характер кризисов: ведь периодичность вообще невозможно об'яснить, исходя из п о с т о я н н о г о явления» [1]). Нужно заметить, что это замечание Гильфердинга вполне достигает своей цели, поскольку оно направлено против изложенной выше теории недопотребления, но оно совершенно неуместно, поскольку Гильфердинг отрицает противоречие между производством и потреблением как фактор кризиса, так как это противоречие, как будет показано ниже, не должно быть рассматриваемо изолированно, вне ряда других факторов, и не может быть рассматриваемо лишь как «общее условие кризиса», как это делает, вслед за Гильфердингом, Губерман, Базаров и Спектатор.

«Это противоречие (между производством и потреблением. *Н. Ц.*) само по себе так же, как и первые три общих противоречия (а) противоречие между потребительной стоимостью и стоимостью, б) раздвоение товара на товар и деньги и в) развитие функции денег как платежного средства. *Н. Ц.*), не является непосредственной причиной кризиса»,—пишет Губерман [2]). По Губерману противоречие между производством и потреблением однозначно, как фактор кризиса, таким общим противоречиям, как противоречие между товаром и деньгами.

Спектатор, говоря о противоречии между производством и потреблением, заявляет, что «теоретически этим указана основная сущность капиталистических противоречий, точнее, основная предпосылка, но не непосредственная причина, вызывающая кризис» [3]). По существу это утверждение ничем не отличается от цитированного выше положения Губермана.

Посмотрим, однако, что выставляется упомянутыми авторами в качестве основной причины кризисов.

Гильфердинг, в 17 главе своего «Финансового капитала», посвященной причинам кризисов, сначала излагает те причины, которые приводят к под'ему, и затем уже описывает те явления, которые сопутствуют ему. Самая характеристика причин под'ема у Гильфердинга чрезвы-

[1]) Гильфердинг, Финансовый капитал, стр. 270. Курсив наш.—*Н. Ц.*

[2]) Губерман, Проблема экономических кризисов.—«Соц. Хоз.» 1927 г., кн. IV, стр. 21.

[3]) Спектатор, Теория кризисов Маркса, «Под Знаменем Марксизма» 1928 г., № 2, стр. 98.

чайно не монистична. Подобно рассмотренной выше теории Каутского, Гильфердинг перечисляет целый ряд факторов под'ема. «В общем их можно свести,—говорит Гильфердинг,—к открытию новых рынков, возникновению новых отраслей производства, введению новой техники, повышению потребления вследствие роста населения» [1]).

Мы уже указывали на методологическую неправомерность при рассмотрении абстрактной теории кризисов, а не какого-либо конкретного кризиса, прибегать к таким факторам, как, например, открытие новых рынков и т. д., поскольку мы в известной мере можем говорить о случайном характере этих факторов. Задача заключается в том, чтобы в условиях «чистого капитализма» найти имманентные причины под'ема, поскольку мы и промышленный цикл, и кризис не считаем делом случая. Гильфердинг игнорирует это обстоятельство. Поэтому он вводит в качестве причин факторы, которые в той или иной комбинации действуют в конкретном капиталистическом цикле, но отнюдь не являются обязательными в условиях «чистого капитализма».

Вызванное указанными выше факторами повышение спроса повышает цены, а тем самым и норму прибыли. Движение последней, ее высота в различных отраслях и определяет, по Гильфердингу, все движение цикла. Повышение нормы прибыли означает под'ем. Но в самом под'еме заложены элементы уменьшения нормы прибыли благодаря ряду факторов. Когда «тенденции к понижению нормы прибыли одерживают победу над тенденциями, которые приводили к повышению цены и прибыли», тогда наступает кризис. Но эти тенденции проявляются неодинаково в различных отраслях, ибо «если бы повышение цен во время оживления было всеобщим и равномерным, то оно оставалось бы чисто-номинальным. Если бы все товары повысились на 10 или 100%, то их сравнительные меновые отношения остались бы неизменными. Тогда повышение цен не оказало бы никакого влияния на производство; тогда не могло бы наступить никаких передвижек в распределении капитала между различными отраслями производства, никаких перемен в отношениях пропорциональности. Раз производство идет в надлежащих пропорциях, как схематически показано раньше, то нет нужды в каком-либо их изменении, а потому не представляют необходимости и какие бы то ни было нарушения» [2]). В приведенной цитате уже содержится сущность теории Гильфердинга, но посмотрим дальше, как Гильфердинг представляет себе конкретные причины кризиса. «С развитием капиталистического способа производства увеличивается размер основного капитала, и рука об руку с этим ростом увеличиваются различия отдельных отраслей по размерам того основного капитала, который в них применяется» [3]). Отсюда и «различие того времени, которое требуется в различных промышленных отраслях на расширение производства» [4]). Отрасли с высоким органическим составом капитала не могут расширяться с быстротой, соответствующей расширению спроса, поэтому цены будут повышаться. Это усилит приток сюда нового капитала до тех пор, пока новые сооружения не будут закончены. Когда же они будут закончены, обнаружится несоответствие, диспропорциональность. «Сбыт этих новых продуктов тормозится тем, что производство в сферах более низкого состава расширялось не одинаковым темпом, не с равной быстротой, а быстрее, но зато и не столь интенсивно» [5]) Это несоответствие и приводит к тому, что продукция не может быть реализована, цены падают, наступает кризис, сокращается прибыль и производство. Далее Гильфердинг, кроме этих причин кризиса, вытекающих из различия органического состава капитала, указывает на ряд других, в том числе и вытекающих из естественных причин и отмеченных еще Марксом в III томе «Капитала». Однако ясно, что центральное место в качестве причины кризиса он отводит «несоответствиям в образовании цен, вытекающим из различий органического состава» [1]), т.-е. иначе говоря, диспропорциональности расширения различных сфер производства. В ней он видит коренную причину кризиса, т.-е. перелома всей кон'юнктуры.

[1]) Гильфердинг, Финансовый капитал, стр. 286.
[2]) Там же, стр. 290.
[3]) Там же, стр. 292.
[4]) Там же, стр. 292.
[5]) Там же, стр. 292.

Отмеченные Гильфердингом явления не могут быть оспариваемы, они имеют место в действительности. И различие органического состава, и различный темп развития отсюда—все это бесспорные факты. Вопрос заключается только в том, являются ли эти факты решающими для перелома всей кон'юнктуры, могут ли они послужить достаточным основанием кризиса и может ли такая концепция удовлетворительно об'яснить основное явление кризиса—всеобщее перепроизводство.

Мы рассмотрим этот вопрос ниже, а сейчас обратимся к Спектатору и Губерману, в основном стоящих на позициях Гильфердинга; последний же в трактовке этой проблемы близок к Туган-Барановскому.

Спектатор также отрицает противоречие между производством и потреблением как причину кризиса. Но он вместе с тем не согласен и с теорией Гильфердинга. По его мнению, те конкретные факторы, на которые указывает Гильфердинг, ведут не к обострению диспропорциональности, а к его смягчению. Спектатор видит причину кризиса в различном движении цен и производства сырья и готовых продуктов, проистекающих из неравномерного вложения добавочного капитала. «Следующее глубокое противоречие, — пишет Спектатор, — заложенное в самом корне капиталистического производства, сопровождающее его и усложняющееся вместе с его развитием, ведет неминуемо к кризису. Расширение основного капитала (не считая нового использования реализуемой части уже функционирующего основного капитала) вызывает усиленный спрос на сырье и вместе с этим под'ем его цены. Последнее обстоятельство давит на норму прибыли обрабатывающей промышленности, заставляет предпринимателя воздержаться от новых капитальных вложений. Спрос на товары начинает замедляться» [2]).

«Падение цен сначала на готовые изделия перекидывается и на сырье, при чем в последнем случае оно наступает несколько позже, так как вызванное расширение производства по техническим и экономическим причинам не может быть скоро сокращено. Останавливаются новые инвестиции, но заключенные договоры продолжают действовать и часто удерживают цены на сырье еще некоторое время на прежней высоте.

Это не кризис от «недопотребления», не результат несоответствия между ограниченной покупательной способностью масс и способностью капиталистического производства к безграничному расширению, а результат стремления предпринимателя противодействовать падению нормы прибыли путем увеличения размеров продукции (конечно, по возможности сохраняя высокие цены и низкую зарплату) и сокращения времени оборота капитала, приводящего на практике к еще бо́льшему падению нормы прибыли и к переполнению рынка» [3]). Вот основные положения Спектатора.

Губерман видит причину кризиса в реализации закона тенденции нормы прибыли к понижению как действительного закона. Но чем обусловливается эта реализация?—Различным движением цен на элементы постоянного капитала, сырье и т. д. и готовые продукты. Последнее детерминируется техни-

[1]) Там же, стр. 294.
[2]) Спектатор, Теория кризисов Маркса, —«Под Знаменем Марксизма» 1928 г., № 2, стр. 112.
[3]) Там же, стр. 113.

ческими и социальными различиями в производстве первых и вторых. «Причина кризиса заложена, во-первых, в исторических условиях развития капитализма и, во-вторых, развивается и осуществляется как действительная причина только в связи с развитием самого под'ема: она заключается в законе тенденции нормы прибыли к понижению, существующего постоянно в условиях капитализма именно как тенденция, но превращающемся в действительный закон падения нормы прибыли только во время под'ема и в связи с ним благодаря всеобщему расхождению цен на элементы постоянного капитала и производимые в обрабатывающей промышленности (главным образом, производящей средства потребления) товары» [1]).

Что об'единяет изложенные точки зрения?—Их стремление вывести кризис, капиталистический кризис всеобщего перепроизводства, из диспропорциональности в развитии отдельных отраслей производства. Сама эта диспропорциональность обусловливается рядом технических и социальных моментов. Основным социальным условием является анархия производства, т.-е. его стихийность. Капиталистический способ производства, несмотря на частный характер производства непосредственно, является производством, основанным на самом широком разделении общественного труда и, следовательно, является общественным производством. Таким образом, налицо два противоположных определения одного и того же способа производства. С одной стороны, каждый отдельный капиталист является самостоятельным, независимым товаропроизводителем и владельцем, с другой стороны, его производство органически связано с производством других, является частью всего общественного производства. Кризис, говорят Гильфердинг и др., является выражением этого противоречия между общественным характером производства и частным характером присвоения.

Отвергая противоречие между производством и потреблением как причину кризиса по тем соображениям, что противоречие это постоянно, они находят причину кризиса в противоречии между общественным характером производства и частной формой присвоения. Возражение, что и это последнее противоречие постоянно действует и потому должно постоянно приводить к кризисам, отводится конкретизацией тех форм, в которых протекает кризис; устанавливается, таким образом, динамичность этого противоречия. Отсюда подкупающий характер и распространенность этой точки зрения.

Нам представляется, однако, что это противоречие не может рассматриваться как исключительная и последняя причина неизбежных капиталистических кризисов. Дело в том, что противоречие это свойственно не только капиталистическому хозяйству, но и простому товарному. Противоречие между частным и общественным трудом, между товаром и деньгами есть по существу то же противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения. Однако простому товарному хозяйству не свойственны кризисы. Это утверждает и Гильфердинг. Это не оспаривается никем. Но тогда в качестве решающих моментов остаются различия, вытекающие, главным образом, не из социальных, а технических моментов, из невозможности равномерного расширения производства отдельных сфер хозяйства. И действительно эти моменты играют большую роль в движении капиталистического цикла. Маркс перечисляет ряд таких моментов. На них ссылается и Гильфердинг, и Спектатор. Но можно ли из этих явлений вывести неизбежность кризиса?—Это центральный вопрос. Могут или не могут эти диспропорции найти разрешение какими-либо иными путями? Но прежде всего нужно отвести, если оставаться на позициях марксовой методологии,

[1]) Губерман, Проблема экономических кризисов,—«Социалистическое Хозяйство» 1927 г., кн. IV, стр. 38.

как причину, чисто-технические условия, ибо нельзя из техники, само по себе взятой, вывести экономического, социального явления; техника требует определенной экономической формы. Следовательно, только преломленная в определенной социальной форме своего движения она может быть фактором социального явления.

Развитие производительных сил в форме капиталистических производственных отношений имеет свои особенности. Различия технического состава капитала находят свое капиталистическое выражение в органическом составе капитала. Различия этого последнего рода ведут к возникновению новой, реально действующей категории—средней нормы прибыли, а само развитие производительных сил, т.-е. процесс овладения обществом природой, выступает как закон тенденции нормы прибыли к понижению. Упомянутые два закона, следовательно, являются не безматериальными, чистыми отношениями, а лишь капиталистической формой функционирования производительных сил. Капитализм беспрерывно движется в диспропорциональностях и в уничтожении этих диспропорциональностей. Равновесие выступает лишь как результат неравновесия. Категории капиталистического общества выступают как регуляторы этих процессов. Движение капитализма представляет процесс динамики производительных сил, категории—формы этого процесса. Но сами эти формы противоречивы. Поэтому и развитие получает противоречивые формы. Если взять отрезок времени от одного кризиса до другого, то нельзя его представлять себе таким образом, что за это время происходит накопление противоречий, а в кризисе они получают свое разрешение. Такой взгляд в корне противоречил бы действительному процессу капиталистического развития. Этот последний протекает как постоянный процесс распределения и перераспределения производительных сил. Мощным орудием этого процесса является кредит. В пределах цикла могут обнаружиться отдельные противоречия и находить свое разрешение, т.-е. форму своего движения и нового возникновения. Есть противоречия, которые могут найти свое разрешение и вне кризиса, не ведут неизбежно к кризису. Конечно, эти противоречия могут вызвать пертурбации, кризисы в отдельных отраслях, значительные передвижки в системе производительных сил, но это не должно еще обязательно означать кризиса всеобщего перепроизводства, т.-е. всеобщего паралича производственной системы.

Те диспропорциональности, которые дают в качестве основ кризиса Гильфердинг и др., взятые сами по себе, нам представляются такими, разрешение которых возможно и без кризиса всеобщего перепроизводства. В самом деле, нужно об'яснить два противоположных процесса. С одной стороны, повышение цен и производства и, с другой, понижение этих же показателей, перелом и перелом всеобщей от движения с положительным знаком к движению с отрицательным знаком. Нужно показать, что существующие диспропорциональности найдут свой выход только в кризисе. Тогда будет понято и существо этих диспропорций-противоречий, которые приводят к кризису всего хозяйства. Если же будет найдено, что эти противоречия могут найти и иную форму своего разрешения, тогда кризис предстанет пред нами не как имманентный, а случайный метод разрешения противоречий.

Посмотрим с этой точки зрения на концепцию Гильфердинга, Губермана, Спектатора. Пусть, действительно, ряд технических и социальных факторов делают неизбежным расхождение: в расширении производства отраслей, применяющих основной капитал в различных пропорциях, или же в расширенном воспроизводстве сырья и готовых изделий.

Гильфердинг говорит, что отрасли с высоким органическим составом капитала склонны к перенакоплению больше, чем отрасли с низким органическим составом. Это верно. Эмпирически это правильно. К чему это при-

водит?—К тому, что, когда отрасль с высоким органическим составом выступает из производства, она упирается в отрасль с более низким органическим составом, развивавшуюся в процессе под'ема, хотя и быстрее других, но менее интенсивно, которая не может поглотить ее продукции. Таким образом, вся проблема сводится к отношению двух отраслей. Прежде всего нужно отметить, что нельзя представлять себе дело таким образом, что вся отрасль с высоким органическим составом капитала выбрасывает всю продукцию сразу. Это предположение нереальное. Ведь отрасль с высоким органическим составом капитала, если и об'единяется этим общим признаком—высокого органического состава, является, тем не менее, разнородной по своим производственным целям и по времени выпуска продукции. Когда одни производства могут быть уже готовы к выпуску на рынок, другие могут еще находиться в производстве и т. д. Далее. Нельзя полагать, как это делает Гильфердинг, что обмен протекает между этими двумя отраслями. Вполне допустимо предположить, что вся основная масса приготовленного основного капитала может итти в обмен, находить себе рынок в отраслях с таким же органическим составом капитала.

Но допустим даже, что имеет место тот случай, о котором упоминает Гильфердинг (хотя мы считаем такое предположение нереальным), т.-е. отрасли с высоким органическим составом капитала связаны в основном с отраслями с низким органическим составом. Следовательно, обмен протекает между этими двумя отраслями. Следовательно, отношения этих отраслей определяют общую кон'юнктуру. Что получится в этом случае?—Мы будем иметь неэквивалентный обмен между этими отраслями. Отрасль с высоким органическим составом капитала должна будет продавать свою продукцию по ценам ниже цен производства отраслям с низким органическим составом капитала. Это снизит издержки производства в этой последней отрасли и повысит прибыль здесь, а это послужит основанием к переливу капиталов сюда до тех пор, пока не наступит уравнение в распределении капитала между этими отраслями общественного хозяйства и к выравниванию цен с ценами производства в обеих сферах. Здесь о кризисе говорить нельзя. Ведь, если отрасль с большим размером основного капитала должна будет сузиться и сократить размеры своего производства, то это будет происходить при одновременном повышении кон'юнктуры для другой, которая будет взращиваться неэквивалентным обменом. Конечно, этот процесс не будет бесконечным. На известном этапе обмен между этими двумя отраслями, благодаря, с одной стороны, сокращению производства в первой отрасли и, с другой стороны, расширению во второй,—должен будет привести к ценностному уравнению обмена, т.-е. к восстановлению равновесия. Расширение и сужение не будут носить всеобщего характера. Они будут иметь отраслевой характер.

В этой теории недостает звена, которое бы являлось действительно непреодолимым обычными методами выравнивания капиталистических диспропорций. Закон цен производства, как регулятор капиталистической системы, разрешает те противоречия, которые Гильфердинг выставляет в качестве основной причины капиталистических кризисов всеобщего перепроизводства. Те диспропорции, которые имеет в виду Гильфердинг, могут найти свое уравнение и вне кризиса. Маркс упоминал об этих диспропорциях в третьем томе «Капитала» [1]), желая этим привести примеры диспропорций, уравниваемых законом цен производства.

Причины кризиса заключаются не в том, что отдельные отрасли развиваются неравномерно. Капитализму свойственно неравномерное развитие. Несмотря на неравномерность развития, остается фактом то обстоятельство, что под'ем характеризуется повышательной волной кон'юнктуры, а депрессия понижательной, при чем эти волны носят всеобщий характер. Задача теории и заключается в выяснении сущности этих движений. Неравномерность развития, оставаясь фактом, реально имеющим место, тем не менее не может послужить базой действительно научного об'яснения феномена кризисов. Особенность под'ема заключается не в том, что развитие отдельных отраслей идет неравномерно, а в том, что он имеет всеобщий характер. Все неравномерности, как показано выше, могут уравняться не только путем кризиса и не обязательно этим путем. Нужно в характере капиталистического под'ема найти такие противоречия, которые могут разрешиться лишь путем кризиса. Сказанное по поводу теории Гильфердинга относится, по существу говоря, и к Губерману, и к Спектатору. Ведь у них тоже кризис выводится из диспропорциональности в развитии отдельных сфер производства, а именно из неравномерного развития производства готовых изделий и сырья. Производство сырья не обеспечивает спроса со стороны отраслей готовых изделий. Отсюда повышение цен на сырье, главный элемент издержек производства готовых изделий, что, делая нерентабельным производство, ведет к параличу этой отрасли, а за ней вслед и других, так как прекращается спрос и на их продукцию. Вся эта концепция ни на йоту не изменяется от того, что Губерман вводит в качестве посредствующего момента движение нормы прибыли и движением нормы прибыли пытается определить весь цикл. Ведь движение нормы прибыли и является выражением отношения издержек производства к ценам.

Таким образом, и у Губермана, и у Спектатора все дело сводится к диспропорциональному развитию двух отраслей. Задержка в развитии одной ведет соответственно к задержке и в другой. Однако не разрешается основной вопрос, почему одна из этих отраслей должна остановиться в своем развитии. Этот вопрос не получает освещения ни у того, ни у другого. Ведь если мы имеем общую повышательную волну как в производстве, так и в движении цен, то капитал стремится к экспансии, к безграничному расширению, умножению. До известного предела это ему удается. Под'ем охватывает все отрасли. Цены повышаются в общем во всех отраслях. Но потом производство застопоривается и останавливается. Цены не идут вверх, а, наоборот, понижаются.

Задача заключается в том, чтобы показать, каковы причины того, что этой повышательной волне должен притти конец. На это ни Губерман, ни Спектатор ответа не дают. А диспропорция между производством сырья и готовых изделий, которая вводится ими как основа кризиса, может быть уравнена обычными методами капиталистической конкуренции, путем перелива капиталов. Недостаток сырья, вызывая повышение цен, тем самым должен неизбежно привести к переливу части общественного капитала в производство сырья и тем самым к понижению цен на него. Обычное регулирование путем осуществления закона средней нормы прибыли и цен производства может явиться достаточным методом разрешения этого противоречия выравнивания этой диспропорции. Эти диспропорции, взятые сами по себе, не являются такими, которые должны обязательно повести к кризису, ко всеобщему понижению цен и депрессии всего общественного производства. Здесь острота противоречия не выходит за рамки противоречия, указываемого Гильфердингом.

Все указываемые рассматриваемыми выше авторами противоречия являются выражением, конкретными формами противоречия между общественным характером производства и частной формой присвоения. Противоречие это настолько реально и существенно для товарно-капиталистической системы хозяйства, что упущение его при исследовании динамики

[1]) См. «Капитал», т. II, ч. 1, гл. 6.

цикла и кризиса было бы грубой ошибкой. Действительно, если дополнить общественный характер производства общественным же характером присвоения, то от капитализма ничего не останется. Капитализм этим самым будет отрицать себя. Это и послужило для Базарова основанием утверждать, что «источником возникновения кризисов являются диспропорции в развитии производительных сил капиталистического общества, создаваемые анархией производства» [1]). В качестве такой основной диспропорции выступает диспропорция между производством тяжелой и легкой индустрии. Однако Базаров не ограничивается указанием лишь на это противоречие, как это делает Гильфердинг и др. Он признает, что противоречие между производством и потреблением действительно является фактором кризиса, но не в смысле причины, вызывающей кризис, а определяющего «специфический характер капиталистических кризисов, как кризисов перепроизводства» [2]). Что же это, однако, значит? Ведь речь идет только о капиталистических кризисах. Ведь никто не утверждает, что простому товарному хозяйству свойственны кризисы. Говорят об определенных, периодически повторяющихся кризисах всеобщего перепроизводства. Если таковыми их делает противоречие между стремлением к безграничному расширению производства и ограничению потребления, тогда нельзя говорить, что это противоречие не является «причиной возникновения кризисов». Ведь предметом исследования являются не кризисы вообще, а кризисы специфические, капиталистические, а поскольку это так, Базаров, по существу, признает противоречие между производством и потреблением как решающий фактор капиталистических кризисов. Приводя гипотетический пример «рабочих фабрик», Базаров сам указывает, что в таком обществе кризисы не будут иметь места, т.-е., если отпадает основное противоречие капиталистического общества, противоречие между стремлением к безграничному расширению производства и ограничению потребления, при наличии неорганизованного производства, то отпадают кризисы перепроизводства.

Теория кризисов должна дать об'яснение неизбежного перехода от волны повышения цен и производства к волне понижения цен и производства, должна вскрыть то противоречие капиталистического общества, которое останавливает под'ем капиталистического хозяйства и дает возможность дальнейшего поступательного движения, только проведя хозяйство через очистительную эпоху кризиса. Рассмотренные теории не вскрывают этого противоречия, ограничиваясь констатацией таких явлений, таких противоречий, которые возникают и разрешаются в течение всего цикла, без кризиса и на протяжении времени от одного кризиса до другого. Причина кризисов, вскрывающих всю противоречивость капиталистического способа производства, сводится к анархии производства и к возможному вследствие этого возникновению диспропорций производства, т.-е. к тому, к чему сводил их и Туган-Барановский.

Сказанное, однако, не значит, что, утверждая недостаточность аргументации, опирающейся на противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения, как на исключительную причину кризисов, нужно притти методом исключения к противоречию между производством и потреблением, как действительной причине кризисов. Взятое в непосредственной, вне связи с другими факторами, форме, противоречие между производством и потреблением также не в состоянии, и, быть мжет, даже еще меньше, об'яснить капиталистических кризисов, как и указание на анархию производства. В самом деле, теория недопотребления, опиравшаяся на факт противоречия между производством и потреблением, как

[1]) Базаров, Капиталистические циклы и т. д., стр. 54.
[2]) Там же.

мы видели выше, оказывается беспомощной в деле об'яснения капиталистического цикла. Маркс сам указывал во втором томе «Капитала» на недостаточность этой теории для об'яснения капиталистического цикла [1]).

Стремление к безграничному расширению производства на ряду со стремлением к ограничению потребления свойственно капиталистическому способу производства. Любой момент в движении капитализма связан с этими условиями. Все фазы цикла проходят под этим основным противоречием. Однако бывают эпохи расцвета, нет перманентного кризиса. Следовательно, несмотря на наличие этого противоречия всегда, оно не всегда приводит к кризису. Что это значит?—Это значит, что действуют какие-то другие силы, которые нейтрализуют действие этого фактора. А поэтому нужно подвергнуть анализу не только самый момент кризиса, но и отдельные фазы цикла, т.-е. проследить весь тур капиталистического механизма в целом.

Но прежде несколько замечаний. Мы уже говорили, что капиталистический способ производства есть определенная общественная форма функционирования производительных сил. Развитие капитализма есть развитие его производительных сил, без развития последних капитализм не мыслим даже в эпоху его загнивания. Поэтому мы обязаны рассматривать процессы капиталистической динамики на фоне динамики производительных сил. В противном случае наша абстракция станет в своей абстрактности бессодержательной, или, во всяком случае, откажется нам служить для тех целей, которые мы в данном случае ставим перед собой.

Маркс во втором томе «Капитала» исследовал «чистый капитализм» для того, чтобы показать натуральные и ценностные массы общественного труда в их взаимном покрытии. Для теории кризисов эта работа Маркса имеет колоссальное значение. Она дает целый ряд исходных пунктов и для анализа реального цикла, но, тем не менее, из схем второго тома, взятых сами по себе, кризиса вывести нельзя. Сам Маркс указывает на это, говоря, что кризисы могут быть поняты только в реальном движении капитала, конкуренции и т. д. [2]). Можно построить схемы при любом органическом составе капитала, но из простого накопления, без изменения органического состава капитала, нельзя получить кризиса. Следовательно, недостаточно одного капиталистического отношения для того, чтобы кризис был неизбежным. Только взятое в совокупности определяющих его моментов движение капиталистического хозяйства может явиться кризисоформирующим фактором. Нельзя упускать из виду основные противоречия капитализма, а, наоборот, нужно брать их в совокупности и взаимной связанности, т.-е. нужно иметь в виду и развитие производительных сил, капиталистически выражающееся в изменении органического состава капитала, и те формы, в которых протекает этот процесс в условиях анархии производства, при наличии противоречия между общественным характером производства и частным характером присвоения на ряду с противоречием к ограничению потребления при стремлении к безграничной экспансии производства. Если игнорировать какое-либо из этих условий, то кризиса вывести нельзя, т.-е. реально кризис наступает только при наличии всех этих условий. Но в то время, как первые делают кризис только возможностью, дают формы для его реализации, последнее противоречие между производством и потреблением превращает его из возможности в необходимость.

Противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения шире противоречия между производством и потреблением, включает его в себя, первое становится вместе с тем формой

[1]) Капитал, т. II, стр. 385—386.
[2]) См. Маркс, Теории приб. ценности, т. II, ч. 2, стр. 198.

для движения второго. Подобно тому, как капитал в своем движении, принимая форму товара и денег, категорий более общих, чем капитал, представляет из себя категорию более богатую и конкретную, могущую создать специфические формы товарного и денежного обращения,—противоречие между производством и потреблением, реально выступая в форме противоречия между общественным характером производства и частным характером присвоения, придает общественному процессу производства и возникающим на его основе общественным отношениям некую новую спецификацию, изменяющую самый характер динамики капиталистического воспроизводства. И далее, подобно тому, как наличие специфических форм движения капитала не уничтожает законов движения товара и денег, подобно этому противоречия - диспропорции, вытекающие из противоречия между производством и потреблением не уничтожают диспропорций, вытекающих из противоречия между общественным характером производства и частным характером присвоения. Наоборот, и те, и другие продолжают оставаться, причем первые выступают в форме вторых. Эти последние включают в себя и диспропорции первого порядка. По этому поводу Ленин пишет: «Известное состояние потребления есть один из элементов пропорциональности»[1]. Вслед за Лениным и Бухарин пишет, что «кризисы возникают из диспропорциональности общественного производства, но момент потребления является составной частью этой диспропорциональности» [2]).

Таким образом, эти диспропорциональности не друг от друга оторванные ипостаси, а друг от друга неотделимые. Диспропорция между производством и потреблением выражается как диспропорция отраслей производства. Однако это не значит, что ее не нужно отличать от обычной диспропорции отраслей. Диспропорция между производством и потреблением является диспропорцией между производством второго подразделения и суммой переменного капитала общества. Отличие этой диспропорции ото всех других диспропорций заключается в том, что в то время, как все другие диспропорции могут получить свое разрешение и без кризиса, обычными методами капиталистической конкуренции, путем перелива капиталов, здесь налицо такой барьер, который не может быть преодолен обычными методами капиталистической конкуренции и уравнивания. Допустим, однако, что капитал уходит из второго подразделения в первое. Приведет ли это к рассасыванию диспропорций?—Перелив капиталов в первое подразделение должен вызвать здесь дополнительное производство. Это дополнительное производство должно найти себе рынок, часть его будет найдена в пределах первого подразделения, но другая часть неизбежно должна попасть во второе подразделение. Но второе подразделение может приобретать продукты первого только для того, чтобы с их помощью расширить свое производство. Но это расширение производства приведет нас к прежнему безвыходному и еще более усложненному положению. Ведь рынок для второго подразделения попрежнему отсутствует. Остановка производства неизбежна. Таким образом, диспропорциональность этого порядка перелива капитала не разрешается, в то время как диспропорциональности, которые имеют в виду Гильфердинг и др., хотя при известном стечении обстоятельств и могут вызвать кризис, но не обязательно приводят к нему. Только диспропорциональность между производством и потреблением делает кризис неизбежным, превращает кон'юнктуру всеобщей повышательной волны в кон'юнктуру с отрицательным знаком. И не голое противоречие между производством и потреблением, как выражение существа капиталистического способа производства, вызывает кризис, а материальное воплощение его в массах общественного труда в процессе динамики цикла.

[1]) Ленин, Собр. соч., т. II,—К вопросу о теории рынков, стр. 477, изд. I.
[2]) Бухарин, Империализм и накопление капитала, стр. 82.

Губерман пишет: «Если предположить возможность сохранения в условиях под'ема пропорциональности по главным линиям — производства средств производства и средств потребления, заработной платы, то перепроизводство исчезает, как необходимая причина кризиса» [1]).

Конечно, если делать такое предположение, то исчезнет не только перепроизводство, как причина кризиса, но и самый кризис. Тогда и об'яснять нечего. Было бы наивным утверждать, что перепроизводство является причиной кризиса, ибо это означало бы об'яснять кризис кризисом. Задача заключается в выяснении того, почему образуются перепроизводство и почему диспропорции находят свое разрешение только в кризисе. Таким образом, возражение Губермана против противоречия между производством и потреблением, как причины кризиса, является продуктом недоразумения, ибо возражение он ведет против перепроизводства, тогда как перепроизводство является формой, а не причиной кризиса.

III.

Однако сказанное выше не разрешило еще одного, чрезвычайно важного вопроса. Почему кризис не перманентен? Ведь кризисы следуют не один за другим непосредственно, а их отделяют полосы депрессии, под'ема, расцвета. Лишь по прошествии известного отрезка времени наступает следующий кризис. Чем же определяется этот отрезок времени? Маркс совершенно ясно говорит по этому поводу, что он определяется временем, необходимым для воспроизведения основного капитала. Однако. это не нужно понимать в роде Б. Лившица. «Рост строительства основного капитала,—пишет он,—приводит к расширению производства и в отраслях, производящих сырье и предметы потребления. Когда же кончается строительство нового основного капитала, спрос на все предметы, необходимые для строительства основного капитала, прекращается, в то время как их расширенное производство продолжается, отсюда неизбежность периодических кризисов, при чем длина периода, отделяющего один кризис от другого, зависит от кругооборота основного капитала. Поэтому кризис сильнее и прежде всего проявляется в производствах тяжелой индустрии, доставляющих капитальные блага» [2]). Следовательно, момент кризиса, по Лившицу, есть момент окончания строительства основного капитала. Согласимся с этим. Но нам сказано также, что оживление начинается со строительства основного капитала. Примем и это. Но тогда выходит, что вновь созданный производственный аппарат входит в действие в процессе кризиса и депрессии, что противоречит как логике вещей, так и фактам, ибо это означало бы не сокращение производства в период кризиса и депрессии, а, наоборот, расширение. Если строительство основного капитала своим концом заканчивает цикл, то нужно предположить, что этот основной капитал не находит себе применения и погибает совершенно, ибо в следующем цикле, как морально изношенный, он не может быть применен. Если же предположить, что он применяется весь в новом цикле, тогда нет основания для развертывания нового цикла—оживления, ибо самый цикл начнется уже с готовым производственным аппаратом и нового спроса быть не может, а следовательно, и нет оснований для новой повышательной волны (а ее Лившиц совершенно справедливо связывает со строительством основного капитала). И, наконец, совершенно непонятно, почему должно прекратиться строительство основного капитала.

[1]) Губерман, Проблема эконом. Кризисов,—«Социалист. Хоз.», кн. IV, 1927 г., стр. 28.
[2]) Б. Лифшиц, Проблема рынка и кизисов, Введение, стр. 24.

Но на следующей странице Лившиц строит уже несколько новую концепцию. Он говорит: «Теперь еще более ясно, почему об'яснение кризисов падением доли рабочего класса не годится. В период под'ема потребление как раз растет, ибо растет заработная плата, но, когда заканчивается строительство нового основного капитала, обнаруживается, что с его помощью создается теперь гораздо большее количество продуктов, чем нужно, вследствие того, что переменный капитал возрос в меньшей пропорции, а также вследствие прекращения строительства основного капитала. Вот тогда и обнаруживаются результаты роста органического строения капитала: падение нормы прибыли, совпадающее с падением цен и с приспособлением размера производства к размерам потребления» [1]). Во-первых, и здесь остается неясным, почему приостанавливается рост строительства основного капитала; во-вторых, здесь утверждается, что перепроизводство обнаруживается вследствие того, что переменный капитал возрос в меньшей пропорции, а так как переменный капитал есть величина стоимости, могущая быть выставленной рабочим классом как покупательная сила, и раз недостаток спроса идет отсюда, то мы можем сказать, что он происходит по линии перепроизводства готовых изделий, а не «в производстве тяжелой индустрии», как это утверждает Лившиц. Таким образом, Лившиц, начав с отрицания роли падения доли рабочего класса, пришел к утверждению опровергаемого, правда, прикрыв это рядом выкрутасов.

Следовательно, кризис наступает не в момент окончания строительства основного капитала. Только тогда, когда этот основной капитал начнет функционировать, может проявиться кризис, как результат развития несоразмерного потреблению производства на основе новой техники, нового органического состава капитала, введенного в начале цикла (об этом ниже). Ценностные массы произведенных товаров не совпадают с платежеспособным спросом. И совпасть с ним не могут, ибо такова логика капиталистического производства, стремящегося одновременно и к расширению производства, и к сокращению потребления. Это имманентный закон капитализма. Производство, поощряемое высокими ценами, основанными на широком спросе со стороны отраслей, реконструирующих производственный аппарат на новой технической базе, не знают предела до момента окончания стройки основного капитала и пуска его в процесс производства. Конечно, одновременно с этим идет и втягивание новой рабочей силы и, может быть, повышение уровня заработной платы. Но в силу антагонистических условий производства, это расширение производства на новой технической базе не идет в ногу и не может итти с увеличением доли рабочего класса. Введение новой техники, являющееся следствием кризиса, становится само причиной нового кризиса. Своеобразные толчки промышленности и кризисы являются продуктом капиталистической формы развития производительных сил. Об этом Маркс пишет: «Этот своеобразный жизненный путь современной промышленности, которого мы не наблюдаем ни в одну из прежних эпох человечества был невозможен и в период детства капиталистического производства. Медленно шло совершенствование техники и еще медленнее распространялось оно. Состав капитала изменялся лишь очень медленно. Следовательно, его накоплению соответствовало в общем пропорциональное возрастание спроса на труд» [2]). И дальше: «Только с того времени, когда механическая промышленность пустила столь глубокие корни, что она стала оказывать преобладающее влияние на национальную промышленность... только с того времени выступили те все снова и снова повторяющиеся циклы, последовательные фазы которых охватывают годы, и которые каждый раз ведут ко всеобщему кризису, завершающему один цикл и начинающему новый. До сих пор такой цикл обыкновенно охватывал от десяти до одиннадцати лет. Но у нас нет никаких причин считать это число неизменным. Напротив, изложенные нами законы капитализма дают основания предполагать, что это число—изменяющееся и что оно мало-по-малу сократится» [1]).

[1]) Там же, стр. 25.
[2]) Маркс. Капитал т. I, стр. 264.

Таким образом, вопрос о продолжительности цикла ставится в прямую зависимость от степени развития производительных сил и условий воспроизводства основного капитала, Следовательно, находит об'яснение и момент окончания цикла, т.-е. наступления кризиса. Последний наступает тогда, когда производящая при новых условиях промышленность проявит все потенции своего производственного аппарата. А этот последний оказывается непомерно раздутым благодаря неизбежному, вследствие повышения цен, втягиванию в процессе под'ема массы новых, в том числе и отсталых в техническом отношении предприятий. Вследствие этого, та основа, на которой зиждется производство—рынок, оказывается недостаточной. Противоречие между производством и потреблением, являющееся специфической характеристикой капиталистического способа производства, хотя и всегда свойственно капитализму, но не является стабильным, неизменным, а развивается вместе с динамикой цикла, обостряется и в кризисе находит свое выражение и разрешение.

В главе, посвященной «Причинам кризисов» в «Теориях прибавочной ценности», Маркс пишет: «Но весь процесс накопления сводится прежде всего к расширению производства, которое, во-первых, соответствует естественному увеличению населения, во-вторых, образует имманентную основу для явлений, которые обнаруживаются в кризисах. Мерилом этого расширения производства служит капитал, наличная ступень условий производства и не знающее границ стремление капиталистов к обогащению и увеличению капитала, но отнюдь не потребление; это последнее с самого начала (ограничено), так как самая значительная часть населения, именно рабочее население, может расширить свое потребление лишь до известных, очень узких границ; к тому же по мере того, как развивается капитализм, спрос на труд относительно уменьшается, хотя абсолютно он растет...» [2]).

Противоречие между производством и потреблением, которое все больше обостряется вместе с развитием производительных сил, Маркс подчеркивает и в ряде других мест. «Условием перепроизводства является общий закон перепроизводства: производство происходит сооответственно производительным силам, т.-е. соответственно возможности при данной массе капитала эксплоатировать максимальное количество труда, не считаясь с существующими границами рынка, с платежеспособными потребностями; и это совершается путем постоянного расширения производства и накопления, значит, и путем постоянного превращения дохода в капитал; между тем, с другой стороны, масса производителей ограничена и, соответственно природе капиталистического производства, должна быть всегда ограничена средним размером потребностей» [3]). «Основой современного перепроизводства служит: безусловное развитие производительных сил, и потому массовое производство, при котором масса производителей заключена в круг необходимых жизненных средств, с одной стороны, и ограничение прибылью капиталистов, с другой стороны» [4]).

[1]) Там же, т. I, стр. 625.
[2]) Маркс, Теории прибав. ценности, т. II, ч. 2, стр. 166.
[3]) Там же, стр. 199—200.
[4]) Там же, стр. 195.

Из приведенных цитат совершенно ясно, какое значение Маркс придавал развивающемуся вместе с развитием производительности труда противоречию между производством и потреблением. Конечно, это не значит, что Маркс выводил кризис исключительно из этой антагонистической формы производства. Само противоречие существует при наличии анархии производства, еще более обостряет эту анархию, проявляясь только через нее. Подобно тому, как товар и деньги развивают все свои определения только при капитале, существуя и помимо него, подобно этому же противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения обнаруживает все превратности только тогда, когда развивается противоречие между производством и потреблением, т.-е. когда наряду со стремлением к безграничному расширению производства имеем и стремление к ограничению потребления.

Обычные возражения противников развиваемой точки зрения сводятся к следующему: 1) рынок предметов потребления чрезвычайно незначителен по сравнению с общей товарной массой, выбрасываемой на капиталистический рынок, 2) предметы потребления не чувствительны к колебаниям кон'юнктуры в той степени, как остальные товары, 3) кризис начинается не с отрасли предметов потребления, 4) если бы кризис обусловливался недостаточностью рынка предметов потребления, то кризис носил бы частичный, а не общий характер.

Разберем эти возражения.

Первое возражение основано на игнорировании связи отдельных отраслей совокупного общественного труда. Как бы незначительна ни была та или иная отрасль, но изменения, происходящие в ней, не могут не затронуть остальных отраслей, ибо каждая отрасль тысячами нитей связана с другими, без них не может функционировать, а ее деятельность отражается на функционировании остальных. Это одно. С другой стороны, производство предметов потребления является тем последним звеном, в которое упираются все другие отрасли и в котором находят все остальные производственные процессы свое логическое завершение.

Что же касается утверждения, что рынок предметов потребления меньше подвержен резким колебаниям кон'юнктуры, то оно, по сути дела, не является возражением. Чем об'ясняется меньшая резкость колебаний?—Тем, что их производство подвержено большему контролю потребительского рынка, тогда как 1-е подразделение непосредственно с ним не связано. Поэтому размах и в сторону расширения и в сторону сокращения естественно может быть больше. Но ведь дело не в величине амплитуды колебания, а самый факт колебаний отрицать нельзя.

Третье возражение, сводящееся к тому, что кризис начинается в 1-м подразделении, а не 2-м, кажется по внешности как-будто наиболее сильным, но по существу, по своей слабости не уступает первым двум. Действительно, кризисом потрясаются больше всего отрасли с высоким органическим составом капитала, по преимуществу отрасли 1-го подразделения, да и самый кризис обычно начинается здесь. Но все это отнюдь не является основанием для того, чтобы отрицать за противоречием между производством и потреблением роли причины кризисов.

Что кризис больше проявляется в отраслях 1-го подразделения,—это совершенно понятно. Это об'ясняется двумя причинами: во-первых, 1-е подразделение представляет значительную, преобладающую часть ценностей всего общественного производства, во-вторых, она меньше контролируется рынком. В период под'ема нет никаких границ для капитальных вложений. В горячке под'ема вложения не могут опираться на твердую почву реального рынка. Пока цены двигаются вверх, нет оснований для того, чтобы максимальным темпом не развивать производства, не открывать новых предприятий даже с более низким уровнем техники. И этот процесс расширения может итти безболезненно до известного предела. Но вот когда вновь выстроенные предприятия и машины начинают функционировать, только тогда они сталкиваются с ограниченностью рынка. Этот же момент наступает тогда, когда уже сделаны большие вложения. Приостановка сбыта обнаруживается внезапно, и потрясение поэтому бывает более значительным.

Но кроме того, что кризис больше отражается на первом подразделении, он здесь и начинается обычно. Как об'яснить такое явление?—спрашивают Губерман и Спектатор. Но, ведь только не проследив внутреннего механизма капиталистического цикла, можно с изумлением останавливаться перед данным, реально имеющим место, явлением. Мы уже говорили, что 2-е подразделение меньше подвержено острым колебаниям в виду непосредственного контроля рынка в прямую противоположность 1-му подразделению. В процессе динамики цикла и под'ема идет расширение производства во всех отраслях, т.-е. и в 1-м и во 2-м подразделении. Последнее расширяется, ибо под'ем втягивает новых рабочих, повышается заработная плата и т. д. Производство 1-го подразделения нуждается для значительной части своей продукции в рынке 2-го подразделения. До известного предела 2-е подразделение будет представлять рынок для 1-го. Но когда массы продукции 1-го подразделения начнут поступать на рынок, 2-е подразделение не в состоянии будет поглотить всего производства 1-го, ибо оно может расширяться лишь до пределов насыщения потребительского рынка. 2-я отрасль, контролируемая рынком, откажется принимать продукцию 1-го. А уже этого одного достаточно для наступления кризиса в 1-м подразделении. Таким образом, совершенно не обязательно, чтобы кризис начался во 2-м подразделении. Цены и производство во 2-м могут не падать, могут даже повышаться, но если это совершается в ненадлежащих пропорциях с 1-м подразделением, то это уже является фактором кризиса для 1-го подразделения. Здесь он может разразиться в первую очередь. Но это абсолютно не может означать того, что потребительский спрос не является фактором кризиса. Наоборот, его границы, чрезвычайно неэластичные благодаря существующим антагонистическим производственным отношениям, выступают как границы производства. Не соответствующее рынку производство должно будет потерпеть крушение. Цены на продукцию должны будут падать, производство станет нерентабельным и сократится. Это в свою очередь по цепной связи сократит рынок и для 2-го подразделения, ибо сокращение производства в 1-м подразделении неминуемо приведет к лишению значительной части рабочего класса работы, а следовательно, и покупательных средств. Кризис в осязательной форме наступает и здесь. Таким образом, хотя кризис во 2-м подразделении может наступить и позже и не носить такого острого характера, как в 1-м, тем не менее, действительным пределом производства остается потребительная сила масс; и то, что внешне она проявляется последней, это не значит, что она не является причиной кризиса. Наоборот, анализ внутреннего механизма цикла приводит нас к этому решающему пункту.

Выжатая из рабочего в борьбе за увеличение капитала прибавочная стоимость не может быть реализована, ибо «условия непосредственной эксплоатации и условия ее реализации не тождественны. Они не совпадают не только по месту и времени, но и в понятии. Первые ограничены только производительной силой общества, вторые—пропорциональностью различных отраслей и потребительной силой общества. Но эта последняя определяется не абсолютной производительной силой и не абсолютной потребительной способностью, а потребительной способностью на основе антаго-

нистических отношений распределения, которые сводят потребление огромной массы общества к минимуму, изменяющемуся лишь в более или менее узких границах. Она ограничена далее стремлением к накоплению, стремлением к увеличению капитала и к производству прибавочной стоимости в расширяющемся масштабе. Таков закон капиталистического производства, диктуемый постоянными революциями в самых методах производства, обесценением имеющегося капитала, постоянно сопровождающим такие перевороты, всеобщей конкурентной борьбой, необходимостью совершенствовать производство и расширять его масштаб ради одного только сохранения и под угрозой гибели. Поэтому рынок должен постоянно расширяться, так что взаимозависимость рыночных отношений и определяющие ее условия все более принимают характер независимого от производителей естественного закона, все более ускользают от контроля. Внутреннее противоречие стремится найти себе разрешение в расширении внешнего поля производства. Но, чем больше развивается производительная сила, тем более впадает она в противоречие с тем узким базисом, на котором покоится потребление» [1]). «Постоянно должно возникать несоответствие между ограниченными размерами потребления на капиталистическом базисе и производством, которое постоянно стремится выйти за эти имманентные пределы» [2]). Так представляет себе Маркс роль противоречия между производством и потреблением.

После сказанного не трудно оценить и глубокомыслие четвертого возражения о том, что если в потреблении видеть фактор кризиса, то кризис будет не общим, а частным. Только представляя общественное производство не как реальную совокупность, а сумму не связанных друг с другом клеток, можно делать утверждение подобного рода.

Для полноты остановимся еще на том случае, когда производство начинает сокращаться ранее падения цен. Эмпирически такой случай дан. Но и он не представляет чего-либо необ'яснимого с нашей точки зрения. Наоборот, и этот случай может получить исчерпывающее об'яснение с точки зрения марксовой теории кризисов. В самом деле, ведь процесс движения капиталистического цикла не представляет собой такого механического процесса: повышаются цены—расширяется производство, падают цены—производство сокращается. Процесс более сложен. Ведь капиталист заинтересован не в абсолютной высоте цены, а в величине нормы прибыли. Общая повышательная волна цен может быть для той или иной отрасли не только не выгодной, но подчас и прямо убыточной. Конкретно это можно представить в том случае, когда повышение цен на продукцию этой отрасли отстает в этом движении от цен, поставляющих ей средства производства отраслей. В этом случае разница между ценой производства и издержками производства может итти по пути уменьшения и даже превратиться в величину с отрицательным знаком. И все это на фоне общего повышения цен и кон'юнктуры. Ясно, что такая кон'юнктура несет в себе сама элементы своего отрицания, ибо производство, не дающее прибыли, даже при наличии абсолютного повышения цен, не может продолжаться. Однако, чем обусловливается сама эта возможность? Только тем, что потребительская сила масс имманентно не может развиваться пропорционально развитию производства. Она является тем барьером, о который разбивается стремление к неограниченному расширению производства и развитию производительных сил. Таким образом, наличие непропорционального повышения цен, ослабляя рентабельность той или иной отрасли, должна будет привести к свертыванию производства здесь. А сокращение производства в этой

[1]) Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, стр. 225.
[2]) Там же, стр. 238.

отрасли будет означать сокращение спроса на продукцию отраслей, связанных с ней, а следовательно, и падение цен и кризис. Кризис, следовательно, начнется ранее начала падения цен. Этот случай сходен по существу с разобранным выше и по об'яснению его внутренних причин. В данном случае лишь более четко выступает роль нормы прибыли, как регулятора капиталистического воспроизводства.

IV.

Задачи настоящей работы ограничивались исследованием причин капиталистических кризисов всеобщего перепроизводства. Но кризис представляет лишь один момент, одну фазу в движении капиталистического цикла. Поэтому мы считаем нужным вкратце остановиться на проблеме выхода из депрессии и перерастания депрессии в под'ем. Тогда и самый кризис предстанет пред нами в более ясной форме.

Если механически продолжать развитые выше положения, то на вопрос, как капитализм изживает кризис и следующую за ним депрессию, можно найти только один ответ: кризис и депрессия могут быть изжиты на основе повышения покупательной силы масс. Но сейчас же встает вопрос: где и откуда берется эта покупательная сила, если мы предполагаем, что кризис знаменует собой резкий перелом в сторону сокращения производства, а это означает еще большее сокращение покупательной силы. Внутри капиталистической сферы нет носителей этой покупательной силы. Остается искать ее в некапиталистической среде. Но что значит в данном случае некапиталистическая среда? Это значит, что капитализм внутренними силами не в состоянии выйти из того упадка, в который он попал благодаря кризису, что требуются внешние силы для под'ема, т.-е. что была абсолютно права Р. Люксембург, говорившая о недостаточности капиталистического рынка и о невозможности самостоятельного развития капитализма.

Вводить урожай, как фактор выхода из депрессии, как это делает Финн-Енотаевский, открытие новых рынков (Каутский, Гильфердинг) и тому подобное, это значит ни на шаг не подвинуться вперед в понимании закономерных, неизбежных (а это как будто никем из марксистов не оспаривается) фаз капиталистического цикла, или, вернее, двинуться назад к теории Люксембург и ее предшественников. Все эти факторы более или менее случайны. Если их не окажется, то капитализм обречен на вечную депрессию. Как мы уже говорили в начале нашей работы, некоторые из этих факторов в том или ином конкретном капиталистическом цикле оказываются мощным фактором нового под'ема. Но в абстрактно теоретическом анализе нельзя заниматься коллекцией причин. Он требует нахождения таких факторов, которые неизбежно должны быть имманентными капитализму, вытекают из логики капиталистического хозяйства, а не являются продуктом случайного стечения обстоятельств.

Таким образом, если отвлечься от «внешнего рынка» и случайных факторов (а это необходимо сделать, если оставаться в плоскости абстрактно-теоретического анализа и марксовой методологии), то внутри капиталистической сферы мы не найдем той покупательной силы, к которой мы прибегли было как к фактору выхода из депрессии. Остается допустить, что 1) или капитализму невозможно выйти собственными силами из кризиса, 2) или же есть еще другие причины, которые нами еще не рассмотрены.

Обратимся к самой механике кризиса и к тем явлениям, которые ему сопутствуют. Кризис означает перелом кон'юнктуры. Но этот перелом подготовляется самим под'емом. В последнем скрыты уже элементы кризиса. Кризис проявляет и разрешает те противоречия, которые накопляются

в процессе под'ема. Под'ем создает благоприятные условия для расширения производства не только для крупных, с технической стороны высокостоящих капиталистических предприятий, но и для слабых, отсталых предприятий.

Имманентное капиталу стремление к возрастанию вглубь и вширь само создает элементы кризиса. Капитал, расширяя производство, сам же создает лимит этого расширения. Под'ем означает бешеную экспансию капитала, кризис—разбившийся о барьер капитал начинает катиться вспять. Однако это не плавное шествие назад. Это мучительный процесс, в котором разрывается острая конкурентная борьба, борьба за самосохранение между отдельными капиталистами. Тогда как в полосу под'ема борьба значительно ослабевает и наблюдается относительно мирное содружество, кризис и следующая за ним депрессия характеризуются острой и ожесточенной конкуренцией. Подобно тому, как в полосу под'ема мы имеем не только расширение уже существующих предприятий, но и создание новых, принимающее сплошь и рядом уродливые формы грюндерства, подобно этому в период кризиса и депрессии мы имеем не пропорциональное сокращение производства во всех продприятиях, а стабильность в одних, сокращение в других и гибель третьих. Масса предприятий гибнет, что на языке экономической статистики обозначается как рост банкротств. Таким образом, действительная картина не так проста, плавна и безболезненна, как это рисуют некоторые представители учения, пытающегося заменить теорию кризисов учением о кон'юнктуре.

В процессе кризиса и депрессии крупные капиталистические предприятия поглощают мелкие, т.-е. происходит процесс концентрации капитала.

Кризис не простой переход от повышательной волны кон'юнктуры к понижающейся, а сложный пертурбационный процесс, который накладывает неизгладимый след на весь последующий ход развития капитализма. Кризис, означая падение цен, ухудшает условия производства, ибо, как мы говорили выше, он сближает цены с издержками производства, т.-е. уменьшает прибыль, иногда уничтожает ее, а подчас издержки производства начинают превосходить цену производства. В этих условиях слабые предприятия обычно гибнут. Но крупные предприятия, обладающие большим капиталом, способны дольше выдержать это испытание. Однако и для них производство при пониженных ценах вещь, не могущая долго продолжаться. Следовательно, должны как-то измениться наличные условия производства. Но цены вне воздействия отдельного капиталиста. Он не может их изменить в желательную для него сторону. Каждый отдельный капиталист может воздействовать в целях улучшения условий производства только на издержки производства. Только эта область в сфере возможного с его стороны воздействия. Поэтому капиталист, естественно, стремится к улучшению методов производства, введению новой техники, реконструкции всего производства, дабы таким образом сократить издержки производства. Что этот процесс имеет место, на это указывает и Маркс, это подтверждается и историками кризисов. Так, Лескюр пишет, напр., о последствиях кризиса 1825 г.: «Так к 1825 г. началась долгая и интенсивная депрессия, в продолжение которой капиталисты не могли рассчитывать выгодно поместить свои капиталы в промышленности. И существовавшим уже фабрикам было трудно держаться: чтобы не разориться, они должны были прибегать к техническим усовершенствованиям, к экономии на общих расходах,—одним словом, ко всем средствам, могущим понизить издержки производства. Именно вследствие кризиса 1825 г. и распространилось употребление механических ткацких станков, а на литейных заводах все устаревшие приспособления были заменены новыми. Таким образом, мало-по-малу растет полная сил промышленность, с нетерпением ждущая того момента, когда вновь потребуют ее услуг» [1]). То же самое и о последствиях кризиса и депрессии 1836 года. «Период депрессии, последовавший за кризисом 1836 г., повсюду вызвал стремление сократить издержки производства. С другой стороны, благодаря последним открытиям, были введены важные технические усовершенствования. Первоначально был открыт способ получения чугуна с помощью минерального топлива; благодаря паровому молоту, стало возможным изготовлять очень крупные части, как, например, двигательные валы для больших машин» и т. д. [2]). То же самое и о последствиях кризиса 1847 года. «Вследствие кризиса усилилось, зародившееся еще в период под'ема, стремление расширить употребление кокса при изготовлении сырого материала металлургической промышленности: при всяком кризисе начинается всеобщий пересмотр издержек производства, а с коксом изготовлять чугун можно значительно дешевле, чем с древесным топливом» [3]). Точно так же Лескюр отмечает и происходящий после кризиса процесс концентрации. Он пишет о последствиях кризиса 1890 г. в Америке: «Тогда крупные заводы прибегли к другому средству предохранить себя от кризиса: вместо того, чтобы создавать картели для поддержания цен, стали основывать тресты, назначение которых состояло в том, чтобы понижать стоимость производства и цены и таким образом оживлять спрос. Так возникли чудовищные предприятия, владеющие, кроме целых флотов и железнодорожных линий, рудниками, доменными печами, прокатными и машиностроительными заводами» [4]). И далее он пишет: «В общем политика американских промышленников с 1897 по 1903 г. определялась главной мыслью: понижать издержки производства и для этой цели концентрировать производства и употреблять пользу на введение технических усовершенствований, возможных благодаря появляющимся каждый день новым научным открытиям» [5]).

Но введение новой техники, реконструкция производства неизбежно развивает спрос на оборудование и предметы, необходимые для этой новой техники и реконструирования производства. Спрос этот в первую очередь касается отраслей, производящих эти предметы. Они должны расширить производство для удовлетворения нового спроса. Но расширение производства этих отреслей неизбежно по закону цепной связи повлияет и на остальные отрасли. Расширяется рынок и для них. И так все основные отрасли, связанные с этим процессом. Но расширение основных отраслей в значительных размерах есть уже начало под'ема, ибо это расширение означает и втягивание новой рабочей силы, а следовательно, и усиление потребительского спроса.

Таким образом, мы приходим к тому выводу, что не увеличение покупательной силы является источником выхода из кризиса, а неизбежный в конкурентной борьбе переход производства на новый технический базис. Капитал, следовательно, сам себе создает рынок. Начинающееся в период депрессии переоборудование само создает элементы отрицания депрессии и перехода ее в под'ем. Теория недопотребления не понимала этого основного, что капитал сам себе создает рынок, поэтому для нее проблема выхода из депрессии должна была сводиться к проблеме внешнего рынка, а капиталистический цикл должен был рассматриваться ею не как закономерно повторяющийся, а как дело случая.

---

[1]) Жан Лескюр, Общие и периодические промышленные кризисы, стр. 23.
[2]) Там же, стр. 33.
[3]) Там же, стр. 48.
[4]) Там же, стр. 173.
[5]) Там же, стр. 245. На процессе концентрации и переоборудования указывает и Бунятян; см. его «Экономические кризисы», стр. 201.

Конечно, технический прогресс имеет место во все фазы цикла, но только в фазу депрессии он становится неизбежным. Поэтому Маркс и говорит, что кризисы бывают исходным пунктом для крупных вложений основного капитала. А осуществление этих крупных вложений и изживает кризис и депрессию.

Можно было бы провести и разобрать и ряд других моментов, облегчающих выход из депрессии, как, напр., обесценение капитала и т. д., но так как в нашу задачу не входит специальный анализ проблемы выхода из депрессии, мы ограничимся сказанным.

Капитал сам себе создает рынок, но вместе с этим сам же его ограничивает. Эта противоречивая природа капитала является одновременно и созидателем под'ема и источником кризиса. Это положение является не механическим соединением теорий Сэя-Тугана и Сисмонди-Люксембург, а, наоборот, преодолением этих односторонних и ложных учений, оказавшимся возможным для Маркса благодаря гениальному анализу движущих факторов и форм капиталистического способа производства.

Закон трудовой стоимости при капитализме в „очерках" И. Рубина [1]).

Вл. Дунаевский [2]).

Общеизвестна большая научная ценность «Очерков по теории трудовой стоимости» И. Рубина. Они выпятили значение социологического метода в системе исследования Маркса. В «Очерках» блестяще разработаны проблемы теории товарного фетишизма, как «пропедевтики политической экономии». «Очерки» глубоко, талантливо развернули историческую и социальную определенность экономических категорий в системе Маркса. «Очерки» не лишены и целого ряда ошибок, исправление которых необходимо для успешной борьбы с вульгарным натурализмом. Пока обсуждением затронуты проблемы абстрактного труда, формы и содержания стоимости. В тени остается такой вопрос, как форма проявления закона стоимости при капитализме, в изложении которого, нам сдается, автором «Очерков» допущены ошибки. Не стоит останавливаться на важности этой проблемы! Эта часть исследования Маркса подверглась и подвергается сосредоточенным атакам буржуазной и ревизионистской критики.

I. Проблема исторического обоснования простого товарного хозяйства и „Очерки" И. Рубина.

Закон трудовой стоимости прослежен Марксом на различных ступенях абстрактного анализа. На первой ступени исследование имеет дело с простой товарной формою хозяйства. «Закон стоимости,—писал Маркс,—абстрагирован из капиталистического производства» [3]). Абстрактная схема простых меновых связей — не раз отвечал Маркс — отражает исторически реальные отношения. «Вполне соответствует обстоятельствам, писал Маркс,—рассматривать стоимости товарв не только, как теоретическое, но и как историческое prius по отношению к ценам производства [4]). Абстрактный ход анализа Маркса,—писал Энгельс,—«представляет не что иное, как отражение в абстрактной и теоретически-последовательной форме исторического процесса; исправленное отражение, но исправленное соответственно законам, которым нас учит сама историческая действительность» [5]). Капиталистическое хозяйство и простое товарное не отделены друг от друга

[1]) Печатается в порядке обсуждения. Ред.

[2]) Настоящая статья представляет несколько дополненный доклад, сделанный в экономической секции Ленинск. научно-исслед. ин-та марксизма в феврале 1928 г.

[3]) Теории прибавочной стоимости, т. III, перев. ред. Салитан, 1924 года.

[4]) Капитал, т. III, ч. 1, стр. 154 ГИЗ, 1923 г.

[5]) «Логический метод исследования,—пишет Энгельс,—есть тот же исторический метод, только освобожденный от его исторической формы и от нарушающих стройность изложения исторических случайностей» («Под Знаменем Марксизма» № 2—3 за 1923 г., ст. Энгельса «О критике политической экономии Маркса»).